

Д. В. КУЗЬМИН (Петрозаводск)

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ (В СВЕТЕ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ)*

Abstract. On the Historical Settlement of the Karelian Littoral of the White Sea (based on linguistic data)

The article focuses on the toponymy of the western coast of the White Sea. Linguistic analysis allows us to conclude that for many centuries the territory has been an area of interethnic communication, traces of which can still be seen in the language and toponymy of the present-day population of the area. The article shows that on the White Sea coast Finnic place names occur side by side with Russian toponymy, which was formed first by Novgorod and then by Moscow colonizations. A number of linguistic facts prove that the south-western coast of the White Sea was an important transport junction of water and portage ways, which were developed by Finnic population as well as by Russian settlers who were in close relations with the local Sami population. The linguistic data also proves that Slavic population settled down nearby the territory which had already been developed by representatives of the Finno-Ugric language family. In the author's opinion, this is also evidenced by a large number of place names of non-Russian origin as well as by hybrid toponyms in the toponymy of the region.

Keywords: Karelia, Sami, Karelians, White Sea, Pomors, ethnic history, substrate toponyms, anthroponyms, lexical borrowing.

В статье приводится анализ ономастических и лексических диалектных данных карельского Поморья вдоль побережья Белого моря в пределах современной Республики Карелия. Прослеживая историю формирования в этом регионе т. н. поморского субэтноса, автор рассматривает данные письменных источников, топонимию, этнонимию, антропонию, диалектную лексику. Карельское Поморье на протяжении столетий представляло собой регион активного этноязыкового взаимодействия, с одной стороны, финно-угорских сообществ (саамы, карелы и, возможно, вепсы и финны), с другой — русского населения, осваивавшего богатый в хозяйственном отношении поморский край главным образом в эпоху новгородской и ранней московской колонизаций. Приведенный корпус исторических и языковых данных

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР «Прибалтийско-финские языки Северо-Западного региона России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства (карельский и вепсский языки)», № 0225-2014-0017.

свидетельствует о том, что первопроходцами карельского Поморья были саамы (лопь), оставившие значимый след в местной гидронимии, промысловой и географической лексике; далее регион осваивали прибалтийские финны, в основном карелы, наследие которых особенно хорошо сохранилось в микротопонимии, антропонимии и тематически разнообразной диалектной лексике. Наиболее поздним, но и многочисленным стало русское население, которое, восприняв у предшественников многие черты культуры и языка, завершило процесс формирования поморского субэтноса.

Карельское Беломорье привлекает внимание исследователей разных направлений. Здесь, на западном побережье Белого моря, в результате многовековых контактов саамского, карельского и русского этносов образовалась особая группа севернорусского населения — *поморы*. Попробуем взглянуть на историю поморского населения, которое считается русским, опираясь главным образом на языковые данные (топонимия и диалектная лексика). Основное внимание уделяется дорусскому населению на беломорском побережье, сведения о котором в силу разных причин часто остаются за пределами научных изысканий.

В некоторых поморских деревнях жители преклонного возраста, называясь поморами и потомками выходцев с Новгородчины, все же не считают себя русскими. Современное поморское население Карелии часто не считает исконно русскими и окрестности беломорских сел, о чем свидетельствует, по их мнению множество непонятных им географических названий. Это подтверждает и зафиксированный нами топонимический материал: примерно треть названий в окрестностях беломорских сел либо имеет нерусское происхождение, либо со-



Карта 1. Карельское Беломорье (квадратиками обозначены карельские поселения первой трети XX века).

держит географический термин, заимствованный в результате контактов с дорусскими насельниками.

Термин *Поморье* 'земли у моря' появляется в письменных источниках в середине XV в. Он встречается, например, в документе о покупке представителями карельской феодальной знати земельных и рыбных угодий: «Се купи [---] землю и воду на Поморьи» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова 294—295, 298). Однако до середины XVI в. *Поморье* и *поморец* встречаются в источниках нерегулярно, и только к концу XVI столетия жителей западного побережья Белого моря все чаще именуют в документах *поморцами* или *поморянами*. Позже наименование *поморы* переходит и на население Восточного Беломорья. В наши дни *Поморье* употребляется как название всего беломорского побережья с прилегающими районами на северо-западе Европейской части России.

Наиболее древними из этнически определяемых жителей исследуемой территории были саамы, или лопари, что подтверждается многочисленными топонимами саамского происхождения, данными археологии и диалектологии, а также документами.

Одним из первых письменных документов, косвенно свидетельствующим о проживании саамов на побережье Белого моря, является житие Лазаря Муромского, основателя Муромского монастыря (юго-восточная часть Заонежья). В житии рассказывается, что «лопяне», видимо саамы, ушли на север к Белому морю (Пашков 2003 : 3—13). Водно-волоковых путей, которые связывали Онежское озеро с Белым морем, было несколько, и все они шли через озеро Выгозеро, откуда к Беломорскому побережью вело несколько маршрутов. Интересно, что один из них, известный тогда как Осударева, или Царская, дорога, карелами назывался *Lapintaival* букв. 'Лопарская дорога; Лопарский путь или дорога' (Nissilä 1955 : 248).

Древнюю территорию саамов на севере Карелии русские источники называли «лопью дикою и лешею», т. е. землями кочующих и осевших по лесам саамов. Эта традиция устояла до XVII в.: в «Книге Большому чертежу» (официальном дорожнике 1627 г. и его редакциях) кольское и западно-беломорское побережье слыло Лопским берегом, а здешние погосты (Кемь, Кереть и др.) — лопскими (Жуков 2003 : 36). Это неудивительно, поскольку до 1589 г. «на Кемской ж земли» (сопредельных с беломорским побережьем территориях) было известно десять поселений крещеных и некрещеных лопарей по берегам «леших», т. е. лесных озер (МПИК 325). Можно предположить, что на морском побережье находились летние промысловые деревни и угодья, принадлежавшие «лопарям» из указанных поселений. Об одном из них недалеко от устья реки Летней свидетельствует, например, топоним *Кезякульский остров*, для которого восстанавливается кар. **Kezäkylä* 'Летняя деревня'. Поселение на этом острове использовалось саамами летом во время рыбного промысла. О подобном виде саамских поселений на севере Норвегии пишет археолог К. Сканке, отмечая их сходство с поселениями восточносаамских сообществ (Schanche 2002 : 65—66). По мнению историка Р. Б. Мюллер, саамы были оттеснены карелами с побережья Белого моря в XV в., однако продолжали жить по верховьям рек Керети, Кеми, Выга и Сумы. Она предполагает, что в

это и более позднее время лопари вели транзитную торговлю, поддерживая связь между Поморьем и Швецией (Мюллер 1947 : 28—29).

В зону расселения лопарей, по мнению ряда ученых, некогда входили архипелаг Кузова и Соловецкие острова, хотя прямые свидетельства об этом отсутствуют, кроме упоминания среди монахов Соловецкого монастыря в середине XVI в. старца Исаака Лопина (Буров 2007 : 70). Не исключено, что в монастыре жили и другие саамы,¹ например, старец Леванид Лошка (Буров 2007 : 70). Косвенно на это указывает упоминание о том, что в дер. Кизрека, в 1710 г. проживал саам Яков Лошка (с. Kuzmin 1993 : 77), а позднее карельский род Лошкиных (кар. *Loškani*), часть которого в конце XVIII в. переселилась в поморскую деревню Летняя Река. Интересны также сведения о том, что в середине XVI в. митрополит Филипп стал разводить оленей на острове Муксалма² (Максимов 1984 : 131), что может быть отголоском давних событий, когда саамское население на Соловецких островах и побережье занималось своим традиционным промыслом — оленеводством. На это указывают и саамские заимствования в поморских говорах (см. далее). Названия озер Большое Лобское и Малое Лобское на Соловках, возможно, тоже хранят память о саамском населении.

Упомянутые в документе 1608—1611 гг. жители беломорского поселения Княжгуба, на наш взгляд, были «лопарями»: Микифорко Айкашаров и Федотко Айкашаров сын (Харузин 1890 : 458). На это указывает патроним *Айкашаров*, в котором реконструируется встречавшееся на саамских территориях дохристианское мужское имя *Aiki(a)sarri(a)*, *Ai-gesarre* (http://www.kotikielenseura.fi/virittaja/hakemistot/sanat/saa_ni.pdf). В том же документе мужчины саамских поселений Северной Карелии с таким же именем или патронимом прямо названы лопарями: *Федка сын Айкасаров* (Ковдозеро), *Айкасай* (**Айкасар*) *Онисимов сын* (Тумча) и *Микифорко Айкасаров сын* (Рува) (Харузин 1890 : 462). То, что переселившиеся на беломорское побережье саамы не назывались в документе лопарями, возможно, свидетельствует об их переходе к оседлому образу жизни и смене традиционной для саамов полуномадической формы хозяйственно-промысловой деятельности.

Норвежский археолог Б. Ольсен предполагает, что строительство монастыря могло быть связано, например, с тем, на Соловецких островах располагались святилища местных саамов. К проявлениям культовой деятельности саамов на архипелагах Кузова и Соловецкий Б. Ольсен относит лабиринты и значительную часть нехристианских священных сооружений,³ датируя их поздним железным веком или средневековье-

¹ По свидетельству архимандрита Дионисия, некоторые лопари сами приходили в Соловецкую обитель и принимали там крещение (Козмин 1900 : 68).

² Название острова, видимо, имело саамские истоки: в основе адаптированной прибалтийскими финнами топоосновы **Mukka*- можно увидеть заимствование из саамского: кар. *mukka* 'изгиб, поворот' ← саам. **mokkē*, саамН. *mohkki* то же. Поскольку Муксалма третий по размеру остров Соловецкого архипелага (17 км²), нельзя исключать, что его название — переводная калька бывшего саамского названия, а при адаптации использован заимствованный у саамов же термин *mukka*.

³ Архипелаг *Кузова́*, расположенный в Белом море в 20 км от г. Кемь, известен большим количеством древних культовых комплексов: здесь представлено более 800 разнообразных сложений из камня. Только на острове Немецкий Кузов фиксируется более 150 сейдов — такого количества рукотворных каменных сложений не засвидетельствовано ни в одном другом месте.

ем, хотя допускает и более ранние датировки (Olsen 2002 : 43—45, 48). В связи с этим заметим, что на упомянутом Кезякульском острове находится часовня, которой, по рассказам жителей деревни Летняя Река, более 300 лет. Можно предполагать, что, как и в случае с Соловками, строительство часовни на определенном этапе истории было мотивировано тем, что упомянутый остров мог являться священным местом для местного саамского населения.

Топонимия лучше других источников сохраняет память об относительно недавнем саамском прошлом исследуемой территории. В Карельском Поморье представлено большинство топонимных типов, рассматриваемых в качестве саамских маркеров, причем саамские по происхождению названия фиксируются как на побережье, так и на внутренних территориях. Немаловажно, что они относятся в основном к наиболее крупным и значимым географическим объектам, например, реки:⁴ *Вирма* < саам. *virte* 'сеть'; *Калгарека* < саам. *keälka(n)* 'бор'; *Кереть* < саам. *giera* 'вершина, *верховье' + суффикс; *Ковда* < саам. *guovda* 'средний'; *Колежма* < саам. *kuoll(e)* 'рыба, рыбный'; *Нюхча* < саам. *njuhčč* 'лебедь'; *Сорока* (рукав р. Выг) < саам. *suor'ge* 'одна из двух небольших рек, которые вместе образуют крупную реку; один из рукавов, образуемых рекой, разделяющейся на две или более частей'.⁵ Убедительную саамскую этимологию имеет название упомянутого Соловецкого острова: *Соловец* < **Солонец* < **SuolenčV* < саам. *suolo* 'остров' + суффикс *-nčV* (Kuzmin 2011 : 93).

О проживании на побережье Белого моря саамов свидетельствуют, по-видимому, и названия на *Лоп-/Лоб-* и *Лап-*: тоня *Лопская губа* (Кереть), *Лопские острова* (Нюхча), тоня *Лопский Крест* (АСМ I 183), *Лопский лес*, мыс *Лопский наволок*, *Лопский островок* (Колежма), *Лопский остров* (Сумпосад), *Лопский порог* (Кандалакша), тоня *Лопское* (Калгалакша); возв. *Лобская скала* (Колежма), *Лобские островки*, *Лобский берег* (Поньгома), мыс *Лобский наволок* (Гридино), *Лобский остров* (Летняя Река), озера *Лобское Большое* и *Малое* (Соловки) от *лопский* (> *лобский*) 'саамский'; залив *Лапина губа*, мыс *Лапина корга* (Нюхча), болото *Лапинские мхи* (Сумпосад) от кар. *lappi* 'саам, лопарь' или от родового прозвища *Лапин*. Сюда же относятся упомянутая в документе 1583 г. деревня *Лапинской след* на р. Нюхче (Витов 1974 : 132), деревня на *Суме ж реке Лапина* (ИК 1993 : 201), а также ряд родовых прозвищ: *Лапин* (1563 г.; Сума), *Лапин* (1574 г.), *Лопин* (1582—1583 гг.; Сорока) (АСМ II 58, 137, 201; ПК ОП 156, 161), *Лопинов* (1579 г.; Кемь), *Лаппалайнен* (1670—1690 гг.; Кемь) (Kokkonen 2002 : 367, 372), и *Лопинцов* (1723 г.; Кемь) (Pöllä 1995 : 68), *Лопинов* — современная фамилия в с. Калгалакша. Стоит упомянуть, что село Колежма имеет неофициальное название *Лопари*.

Представленные сведения показывают, что в карельском Поморье пришлое прибалтийско-финское и русское население активно контактировало с аборигенами — саамами. В результате часть саамов через этап билингвизма вошла в состав прибалтийских финнов и русских карельского Беломорья. Неудивительно, что в говорах поморов

⁴ Вследствие этого в исследуемом регионе саамские истоки имеет и большинство названий поселений.

⁵ Здесь и далее, если не оговорено особо, саамские данные приводятся по Т. I. Itkonen 1958; E. Itkonen 1986; Lehtiranta 1989; Sammallahti 1989; Фасмер 1986.

до наших дней фиксируются слова, заимствованные от ранее проживавших в Поморье саамов. Большинство заимствований относится к сферам фауны и географической терминологии. Новопоселенцами заимствовалась прежде всего лексика, связанная с новыми для них видами хозяйственной деятельности (морской промысел, оленеводство) и с особенностями северного ландшафта.

Лексика фауны: *ал(л)ейка* 'утка-морянка' < саамP *allōšk^e* то же; *важенка* 'самка оленя' < **vācset* то же (> саамН *váža*, саамP. *vā^dž*); *вальчак*, *вольчаг* 'самка лосося' < саамP *vāldžēg^s* 'пресноводный лосось'; *вонделица* 'годовалая самка оленя' < саамP *vuonál* то же; *капшак*, *капшачок* 'белый червь; небольшой рачок' < саамP *kāptsá* 'морской червь'; *керча*, *керца* 'бычок (рыба)' < саамP *k'ertts^s*, *kerts* 'бычок'; *кукша* 'птица из семейства воробьиных' < **kuoksenke* то же (> саамP *kūzvñ^qk*); *кумжа* 'небольшой таймень' < **kuvčā/ē* 'таймень' (> саамН *guvžá*); *кундус* 'трехгодовалый самец оленя' < саамН *gottodas*, *goddās* 'четырёхгодовалый самец оленя'; *морж* < **moršę* 'морж' (> саамН *morša*, саамP *mořš^A*); *навага* < саамН *nāva^g* 'навага'; *нерпа* < **noarvē* 'тюлень' (> саамН *noarvi*, саамP *nuōrj^o*); *палтас*, *палтус* < **pāltēs* 'палтус' (> саамН *bálddis*, саамP *pāldes*); *пертуй* 'треска небольшого размера' < саамP *per^dfaĵ* 'треска'; *пикшуй*, *пикшей* 'пикша' < саамP *tjksa* то же; *пинагар*, *пинагорь* < саамP *pinn^agarr^(a)* 'пинегор'; *сайда* < **sājde* 'сайда' (> саамН *sáidi*, саамP *sqj^D*); *тинда* 'небольшой лосось' < саамP. *tjñ^dt^(A)* то же; *урак* 'олень-самец на втором году жизни' < саамШ *ārēk*, *varēk*, саамН *varit* 'олень-самец'; *чабар(а)* 'птенец чайки' < саамP *čvābar* 'морская чайка'; *чухарь* 'глухарь' < **čukčē* то же (> саамН *čukčá*, саамP *čuxč*).

Географическая терминология: *арешник* 'крупная галька, мелкий булыжник' < прасаам. **ārē* 'каменистое место' (> саамP *ā'rešm*); *варака* 'лесистая возвышенность' < **vārē* то же (> саамН *várrī*); *губа* 'залив' < саамН *gohppi* 'залив округлой формы' (Янне Саарикиви, устное сообщение); *кегора* 'пастбище для оленей' < **čieker* 'зимнее пастбище для оленей' (> саамН *čiegar*); *кентище* 'поляна, поросшая травой' < **kientē* 'луг' (> саамН *gieddi*, саамФ Инари *kieddi*); *корга* 'мелкое каменистое место' < **kuorkō(j)* 'луда, каменистая отмель' (> саамН *guorgu*); *коткуй* 'перешеек' < **kuotkō(j)* то же (> саамН *guotku*); *кошка* 'отмель' < **koškē* (> саамН *guoika*, саамP *košk^E* 'мелкий'); *нюра* 'отмель' < **ñuore* то же (> саамН *njuorra*, саамP *n'juorr^a*, *ñurr*); *няша* 'вязкое дно моря во время отлива' < саамP *ñiešše* 'ил, тина; грязь'; *пахта* 'скалистый утес' < **pāktē* 'скала' (> саамН *bákti*, саамP *pāχ^{TE}*); *тундра* 'мшистая местность' < **tōnter* 'возвышенное место, поросшее лишайником' (> саамН *duottar*, саамP *tūndar*).

Другая лексика: *кейкала*, *кейкало* 'бирка (пластинка деревянная) на шее оленя, на которой писали фамилию хозяина' < саамP *ke'lgá'l*, *k'eij^skal* то же; *керёжа* 'кережа (сани)' < саамP *kerreš*, саамН *gieres* то же; *ропакка*, *ропаки* 'ледяная глыба, льдина в торосах' < **roapē* 'каменная глыба'; *сигостега* 'аркан для поимки домашнего оленя' < саамP *čv^avostgk*, *čovstak* то же; *торос* 'глыба льда' < саамP *tōras* то же; *чуны*, *чунки* 'небольшие санки' < **čoopē* 'кережа (сани)' (> саамP *čv^aññ^e*, саамН *čoopohus*).

Приведенные диалектизмы показывают, что на ранних этапах освоения карельского Беломорья лексика заимствовалась пришлым населением от первоначальников края. Сохранению саамских слов способствовало то, что часть беломорских саамов прошла через стадию

двуязычия. Кроме того, сохранению исконно саамской лексики, вероятно, способствовали торговые отношения и межэтнические браки. Языковые данные убедительно свидетельствуют, что саамы непосредственно участвовали в складывании карело-русских береговых общин, развитие которых привело к формированию в пределах Республики Карелия современной этнолокальной группы поморов.

На смену саамам в Поморье пришли карелы — не случайно побережье Белого моря от Кеми до границы Карелии и Мурманской области традиционно называют Карельским берегом. Новых жителей на побережье Белого моря и прилегающие земли привлекали, очевидно, морской рыболовный промысел, охота на морского зверя, а позднее и солеварение. Первое массовое знакомство карелов с Беломорьем Д. В. Бубрих относит к XIII в. Он не исключает, что отдельные проникновения могли иметь место и ранее (Бубрих 1947 : 32). Однако самые ранние документальные сведения о пребывании карелов на побережье Белого моря относятся к XV столетию.

Встает вопрос о путях проникновения карелов из Приладожья на беломорское побережье. Таковых было три: из Приладожья к Шуе или Суне, по ним к Онежскому озеру и волоком через Маткозеро к Выгозеру, откуда к беломорскому побережью несколькими путями; второй — через город Корелу по берегу Ладожского озера, затем по внутреннему водному «карельскому пути» к Сегозеру и Выгозеру в Средней Карелии и далее к западному берегу Белого моря; в средние века существовал третий путь: из Приладожья в Приботнию, откуда на Лексозеро и далее по рекам и озерам на Кемь, а по ней к Белому морю.

Из купчих грамот первой половины XV в. известно, что территория Карельского и Поморского берегов Белого моря находилась во владении карельской феодальной знати, или «пяти родов карельских детей» (*роккульцев, вальдолцев, курольцев, тиврульцев и вымольцев*), которые продавали участки не только друг другу, но и новгородским светским и духовным феодалам. Сведения об этих родах мы находим на территории Приладожской Карелии: *Roukkula, Valtola, Kuurola, Tiurola* и *Viimola* (Kirkinen 1988 : 93—94). Их представители пользовались привилегиями на торговлю с лопью, взимая бразгу (арендную плату) с угодий и земель. Это позволяет предполагать, что лопь достаточно рано попала в зависимость от отдельных «карельских детей», которые захватили земли лопи. Интересен и тот факт, что в качестве «продавцов» выступают в большинстве случаев отдельные лица, продающие свои индивидуальные владения, что указывает на древнее происхождение карельского землевладения (МПИК 24, 106—107, 121—122). Начиная с XIV в. на юго-западном побережье Белого моря появляется и русское крестьянское население, в основном выходцы из Новгородской земли (Бернштам 1978 : 43—44). Слияние местных карелов и русских в новые поморские общины не было спонтанным. Ему способствовали, по мнению историка А. Ю. Жукова, обоюдовыгодные экономические интересы, связанные с солеварением, морским рыболовством и охотой на морского зверя. В то же время те территории, куда русские новопоселенцы допущены не были, оставались вплоть до середины XX в. карелоязычными (Жуков 2005 : 88—89).

В связи с этим сегодня русская по употреблению топонимия содержит значительный пласт названий карельского происхождения. На

территории западного побережья представлены, например, достаточно прозрачные карельские топоосновы, бытующие, как правило, на микротопонимическом уровне: луда *Вехгуба* (Юково) (кар. *vehka* 'белокрыльник болотный'), возв. *Видгора* (Унежда) (кар. *viida* 'густой ельник'), порог *Видпорог* (Сумпосад) (кар. *viida* 'густой ельник'), о-в *Гонгостров* (Поньгома) (кар. *hongga* 'сосна'), возв. *Кимгора* (Нюхча) (кар. *kii-ta* 'токовище, ток'), оз. *Коверозеро* (Княжгуба) (кар. *kovera* 'изогнутый'), порог *Кордехпорог* (Шуерецкое) (кар. *korteh* 'хвощ'), возв. *Кузгоры* (Колежда) (кар. *kuuzi* 'ель'), мыс руч. *Кярмеручей* (Кемь) (кар. *kiärte* 'змея'), *Лат(ь)наволок* (Вирма) (кар. *lato* 'сарай'), оз. *Мяндозеро* (Калгалакша) (кар. *mändy* 'сосна'), руч. *Силдоручей* (Гридино) (кар. *silda* 'мост'), порог *Тухкопадун* (Ковда) (кар. *tuhka* 'пепел; мелкий песок'), оз. *Шитта-ламбина* (Кереть) (кар. *šitta* 'грязь, мусор; кал') и др. В произношении некоторых названий до сих пор сохраняются карельские особенности, что может свидетельствовать о поздней ассимиляции карельского населения. Эта черта свойственна, главным образом, топонимии Карельского берега Белого моря, где связь со смежными карельскими территориями была более тесной и продолжалась до начала XX в.

Наличие карельского субстратного компонента подтверждается и значительным количеством топонимов-полукалек, возникших при частичном переводе дорусских названий. Распространение их в русскоязычной топонимии карельского Беломорья объясняется длительными контактами этносов и влиянием карельского языка на язык русских поселенцев. Результатом стало перенесение прибалтийско-финских особенностей в русскую топонимическую систему: полукальки стали важным структурным типом местной топонимии (Гусельникова 1996). Основным условием процесса была постепенная ассимиляция местного прибалтийско-финского населения через стадию двуязычия.

В топонимии карельского Беломорья много полукалек, в которых вторым компонентом выступают диалектизмы, заимствованные русскими у местного карельского населения, например: *корга* 'подводная или надводная низменная отмель в море', *луда* 'небольшой (часто лишенный растительности) скалистый остров', *салма* 'пролив' и др. — ср. названия *Брамлуда* (Сорока), *Варбалуда* (Вирма), *Киберлуда* (Калгалакша), *Самлуда* (Нюхча); *Гейнакорга* (Поньгома), *Кунокорга* (Колежда), *Петрокорга* (Шуерецкое); *Воньчасалма* (Кемь), *Каясалма* (Кереть), *Муксалма* (Соловецкий архипелаг) и т. д. Есть основания предполагать, что и за некоторыми другими русскими топонимами беломорского побережья скрываются карельские оригиналы — могло иметь место калькирование традиционных карельских топонимических типов. Один из примеров — название поворота р. Нюхча *Журавка*, предположительно калька метафорической модели *Kurenpolvi* 'колено журавля' (используется для именованя крутых поворотов на реках, напоминающих по форме лапу журавля). Другой пример — название порога *Семь Плёсов* на р. Кереть, возможно, восходит к известному в карельской топонимии метафорическому типу *Seičenoikie* 'семь плесов' (используется при именовании длинных, протяженных порогов). Переводной калькой может быть и название крупного камня *Конишек* в с. Нюхча, о чем, возможно, свидетельствует название расположенного рядом поля *Варзанга* (ср. кар. *varza* 'жеребенок'), а также зафиксированное в д. Чер-

ная Река сельскохозяйственное угодье *Щетински*. Вариант последнего названиее *Тукач*, в котором восстанавливается кар. **Tukačši* (из *tukka* 'волос, волосок' + суффикс *-čši*).

Карельское происхождение в русском языке может иметь и название Белого моря — ср. кар. *Valgieteri*, где *valgie* 'белый', *teri* 'море'. Впервые море названо «Белым» на карте 1592 г. Петера Планциуса (*Mare Album*) (Enckell 1951 : 55—69), однако карелы называли море Белым уже, по крайней мере, в середине XVI в. Об этом, например, свидетельствует детальное описание маршрута из Приладожья к Белому морю карела Ноуся в 1556 г. В шведском источнике море называется «Белым»: *Hvitehaffvedh* (*Valitusluettelo* 156—160). В русских же документах оно фиксируется как *Море*, *Море Акиян*, *Северное море*, *Соловецкое море* и *Студеное море*, и только в XVII в. начинает закрепляться наименование *Белое*, так что, видимо, современное русское название может быть калькой карельского. Саамы тоже называли море Белым (саам. *Vilgesmearra*), однако неясно, бытовало ли это название в XVI в. и ранее. Нельзя исключить, что карелы усвоили название от саамов, но пока документальных подтверждений этому нет (Kuzmin 2014 : 16—17). В древнескандинавских письменных источниках Белое море именуется Гандвиком (*Gandvík*) (Мельникова 1986; Джаксон 1993).

Топонимия беломорских сел позволяет с уверенностью говорить о том, что русское население, не будучи в Беломорье «первым», подселалось в среду прибалтийско-финского населения, к этому времени уже освоившему прилегающие к поселениям окрестности. Об этом свидетельствует, в частности, закрепившиеся в топонимах карельские слова, связанные с сельским хозяйством и животноводством: оз. *Вирандозеро* (кар. *viranda* 'распаханное поле, где был лес') (Нюхча); *Гухтенный остров* (Калгалакша) (кар. *huuhhta* 'подсека'); возв. *Касельга* (Нюхча), поле *Каски* (Нюхча) (кар. *kaski* 'подсека'); уроч. *Ламбазгородка* (Поньгома), луда *Ламбаслуда* (Нюхча), остров *Ламбастров* (Сухой Наволок) (кар. *lammats* 'овца'); мыс *Озранаволок/Возорнаволок* (кар. *ozga* 'ячмень') (Нюхча); возв. *Палащелья* (Нюхча), мыс *Пал(о)наволок* (Поньгома, Шуерецкое, Вирма), остров *Палоостров* (Гридино) (кар. *palo* 'подсека, выгоревшее место в лесу'); порог *Пелдотайбольский* (Поньгома) (кар. *peldo, pelto* 'поле'); мыс *Пур(н)наволок* (Гридино) (кар. *pu(i)tti* 'небольшой амбар'); мыс *Разнаволок* (Унежда), остров *Разостров* (Вирма), мыс *Раснаволок* (Колежда) (кар. *rasi, razi* 'подсека, оставшаяся неспаленной'); порог *Ригпорог* (Нюхча) (кар. *riihi* 'рига'); поле *Сорда* (Нюхча), руч. *Сордовский* (Сухой Наволок) (кар. *sordo* 'изгородь из валежника, огороженное пастбище, выгон'); болото *Шалгоболото* (Летняя Река) (кар. *šalgo* 'шест, жердь в стогу сена'). Из списка в сотни субстратных топооснов значительная часть представлена в названиях небольших, не известных широко географических объектов. Изложенные факты позволяют говорить об относительно недавнем обрусении карельского населения исследуемой территории.

Тот факт, что прибалтийско-финское население Беломорья до его ассимиляции проживало с русскими, подтверждается и данными диалектологии. Исследовавшая в 1960-е годы поморскую лексику И. В. Сало отмечает, что в русских говорах карельского Поморья сохранилось много прибалтийско-финских и саамских заимствований (Сало 1966 : 19), прежде всего в сферах рыболовства, лесного хозяйства, геогра-

фической терминологии и т. д. Примеры: *гиргистать* 'смеяться' (кар. *hīrhettyä*), *канабра* 'багульник' (кар. *kanabra* 'вереск'), *кивиштатъ* 'болеть' (кар. *kivistyä*), *кобра* 'кисть руки, пригоршня' (кар. *kobra*), *корех(а)* 'корюшка' (кар. *kuogeh*), *куккой* 'закрытый пирог с начинкой' (кар. *kukko*), *лахта* 'заводь, залив на реке' (кар. *lahti*), *коппала* 'глухарка' (кар. *koppala*), *ламба* 'небольшое озеро' (кар. *lambi*), *таймени* 'ростки, молодая поросль' (кар. *taimen*), *тигач* 'мошकारа' (кар. *tihī*), *торбалка* 'ботало' (кар. *tarboin*), *улайдать* 'выть, голосить' (кар. *ulissa*).

Об ассимиляции прибалтийско-финского населения свидетельствуют и современные фамилии жителей поморских деревень, восходящие к карельским антропонимам: *Карельские*, *Куккарин*, *Шамалуев* (Нюхча), *Пакулин* (Колежма), *Койбин*, *Шутгиев* (Сумский Посад), *Каншиев*, *Тукачев* (Шижня), *Тиммиев* (Черная Река), *Карвариндин*, *Миккуев* (Ковда), *Коргуев*, *Таскаев*, *Тимиев* (Кереть), *Гавриев*, *Маюрев* (Княжгуба), *Адеев*, *Югаров* (Летняя Река), *Кутчев*, *Микков* (Поньгома) и др.

Однако на сегодняшний день в обследованных населенных пунктах фамилий прибалтийско-финского происхождения гораздо меньше, чем фамилий русского происхождения, и особенно по сравнению с документами XVI в., фиксирующими в населенных пунктах Поморского берега и южной части Карельского берега (Кемь, Шуерецкое) более сотни родовых прозвищ прибалтийско-финского происхождения. В то же время количество людей с прибалтийско-финскими корнями может быть достаточно большим как среди современных жителей поморских сел, так и среди фигурирующих в документах под русскими именами и родовыми прозвищами. Официально прибалтийско-финские жители Беломорья были православными, поэтому их имена и родовые прозвища часто не отличались от русских даже там, где проживание карел не вызывает сомнения. Сложно, например, судить об этнической принадлежности кемских жителей *Филиппа Внукова* и *Ивана Пеляки*, упомянутых в документах конца XVI в., если не знать, что их потомки через сто лет упоминаются среди торговцев-карелов, прибывших в 1670-х годах для участия в Каянской ярмарке: *Внукуа Карппа*, *Пёлляккяйнен Хома*. Кроме них, в списке участников более 20 карел из Кеми: *Харакайнен Ипатти*, *Данссайнен Лаасари*, *Педри Кананпойка*, *Киурунен Даниел*, *Прёссюйнен Куйсма*, *Метцойнен Иван* и др. (Kokkonen 2002 : 365–373). Можно предположить и карельское происхождение современного рода Козловых из с. Нюхча. На эту мысль наводит вариант названия мыса Пакульского — *Пуккила*.⁶ В его основе карельская родовая фамилия *Пукки* (кар. *pukki* 'козел') с прибалтийско-финским суффиксом места *-la*. *l*-овый тип становится продуктивным при наименовании поселений в XV в. Известно, что названия с *-la/-lä* присваивались на первом этапе заселения родовому гнезду: суффикс *-la/-lä* присоединялся к имени или родовому прозвищу основателя (Кузьмин 2003а : 67).

В силу близкого родства карельской и вепсской топонимических систем непросто выявить в топонимии исследуемого региона дифференцирующие вепсские признаки. Можно предполагать, что некогда

⁶ В окрестностях с. Нюхча зафиксировано также другое отантропонимическое название *l*-ового типа: возвышенность *Ченжала* (**Čonžoilä*) — ср. карельские антропонимы, образованные от *čonžoi*, *čondžoi* 'блоха' и название деревни *Čondžoilu* в Олонецком районе Республики Карелия.

юго-западное беломорское побережье, наряду с карелами, осваивали и вепсы. Прямых указаний на это в письменных источниках XV—XVI вв. нет, однако вепсы могли быть среди прибалтийско-финских насельников края, поскольку на юго-западном побережье Белого моря отмечаются некоторые косвенные признаки их возможного присутствия. В частности, по мнению И. И. Муллонен, созданная в конце XV в. в связи с присоединением новгородских земель к Москве административная единица — Заонежские погосты Обонежской пятины, куда входил и Выгозерский погост с выходом к Белому морю, — объединяла прежде всего земли с вепским населением (Муллонен 2006 :131). Есть и топонимические факты, которые указывают на возможное участие вепсов в освоении исследуемой территории. Среди них, например, зафиксированное в топонимии д. Вирма сенокосное урочище *Вепсино*, а также, возможно, распространенная в Поморье топонимная модель *Чудские печища* (Витов 1962 : 67), которая использовалась для обозначения некогда существовавшего места жительства (ср. *чудь* 'вепсы'). Сюда можно отнести и зафиксированные в окрестностях с. Нюхча названия озер *Малое* и *Большое Вирандозеро*. Источником слов *виранда* 'распаханное поле (*подсека), где был лес', *веранда* 'куча сучьев на подсеке (предназначенная для сжигания)' послужил, видимо, вепский глагол *verta* 'сжигать подсеку' или *viritada* 'зажигать, разжигать'.

Современная топонимия свидетельствует, что беломорское побережье привлекало и другие этнические группы, в частности финнов. Зафиксированы топоосновы с финскими истоками, например, *Häme(h)*,⁷ *Kemi*:-: река *Кемь* (Кемь), луды *Кемьлуды* (Кереть); *Oulu*:-: река *Олунга* (= *Олоньга*, Шуерецкое); *Petel*'-/ *Petkel*:-: мыс *Петельостров* (Сухой Наволок); *Reväs*:-: гора *Ревяшь* (Кемь); *Vekara*:-: ? губа *Вегеракша* (Кемь). Это свидетельствует об участии выходцев с территории Финляндии (ранее Швеции) в заселении побережья Белого моря или о наличии у местного поморского населения долговременных торгово-промысловых связей с финнами (Кузьмин 2003).

Финляндский исследователь Р. Росен отмечает, что на основании давней традиции у некоторых жителей Финляндии некогда существовали права на пользование землей на территории Карелии. Он приводит сведения XVIII в. о двух жителях из восточной Финляндии — Туомас Хайкарайнен из Виекки и Антти Антинпойка из Палоярви — регулярно в течение нескольких лет варивших соль на побережье Белого моря в районе с. Сорока (совр. Беломорск) (Rosén 1938 : 57). Нельзя исключать, что и у представителей эми могли существовать некие права на использование беломорских прибрежных территорий (см. сноска 6).

На основании топонимического материала можно проследить этапы освоения беломорского побережья русскими. Поморье довольно рано попало в зону псковско-новгородской промыслово-торговой колонизации. Ее начало относят к XII в., хотя массовое крестьянское освоение

⁷ *Емь* русских летописей (фин. *Häme*) — одна из групп финнов в южной Финляндии (Кузьмин 2008). В документе 1556 г. «Отводная сотная выпись [---] на государевы земли и угодыя в Сумской волости» упоминается варница Фетковская *Ямленина* (< **Hämäläinen*) (МПИК 184), имя владельца которой свидетельствует о его финских корнях. В Дозорной книге Лопских погостов 1597 г. зафиксировано название *Гямостров* (*?*Häme(h)suari*; совр. *Ямостров*) в окрестностях с. Шуерецкое на Белом море (ИК 1987 : 218).

началось в XV в. (Жуков 2005 : 88—89). Низовская, или московско-суздальская, колонизация в основном обошла Карелию стороной, затронув лишь восток Заонежских погостов и частично Беломорье. С миграциями из новгородских земель можно связывать, например, появление в топонимии исследуемого региона названий с формантом *-иха*. На беломорском побережье их зафиксировано более сотни (Кузьмин 2007 : 71—73). Особенно интересны среди них те, в которых *-иха* закрепился при основе прибалтийско-финского происхождения: *Гуппоиха* < *Huoppo* 'Фофан' (Кемь), *Киппоиха* < *Kippo* 'Киприян' (Кандалакша), *Кискиха* < *Kiiski* 'ерш' (Сорока), *Коккоиха* < *Kokko* 'орел' (Черная Река), *Луннеиха* < *Lipri*, *Lippo* 'Филипп' (Сорока), *Палащи́ха* (= *Палащелья* < **Paloselgä*), где *palo* 'выгоревшее место в лесу; пожар' (Нюхча).

С новгородским освоением Поморья можно связывать распространение и ряда других топонимических моделей, например, с компонентом *Великий*, в которой лексема *великий* 'большой по размеру', а также названия, с рус. диал. *острец*, *остреч* 'окунь', на определенном этапе продуктивным в образовании гидронимов Новгородских земель. Указанные топонимические модели проникают в Беломорье из Присвирья вдоль водного пути из Онежского озера в Белое море (Муллонен 2002 : 143; 2003 : 327). К этой же группе относятся названия с элементами *мох* и *ляга*, появление которых в говорах северо-западных регионов России также принято связывать с освоением северных территорий выходцами с новгородских земель (Чайкина 1975 : 149).

На побережье Белого моря фиксируются следы низовской колонизации, в том числе топонимические. Так, о московско-суздальской колонизации свидетельствует часть зафиксированных в топонимии Беломорья названий с формантом *-щина*: покос *Билетовщина* (Сухой Наволок), часть дер. *Бурковщина* (Шуерецкое), уроч. *Егоровщина* (Кереть), поле *Кореховщина* (Кемь), поле *Куккаращина* (Нюхча), мыс *Марковщина*, (Летняя Река), поле *Монастырщина* (Сумпосад), залив *Перговщина* (Калгалакша), покос *Поповщина* (Колежма). Как известно, в новгородской географической номенклатуре рубежа XV—XVI вв. формант *-щина* был малоактивен (Полковникова 1970 : 447). Этот факт говорит о том, что суффикс *-щина* на новгородских землях начал распространяться после завоевания Новгорода Москвой в конце XV в. Так что некоторые беломорские названия с *-щина* могут быть достаточно древними. В сравнении с названиями на *-иха* эта группа невелика, а ее ареал тяготеет к Поморскому берегу Белого моря. При этом около половины названий фиксируется в окрестностях с. Нюхча. По мере удаления на север активность суффикса падает, а на севере исследуемого региона он практически отсутствует. Разумеется, нельзя исключать, что модель с *-щина* могла быть принесена в Карелию новгородцами, которые во время роста популярности новой модели на родине в начале — первой половине XVI в. начали переселяться к Белому морю.

С миграциями из Подвинья, возможно, связано появление в топонимии сел Нюхча, Колежма и Гридино сенокосных участков с названиями *Кулига*, *Кулиги*. В XV в. *кулига* фиксируется в грамотах Подвинья, а также в переяславских, ростовских, ярославских, владимирских и московских актах. В новгородской письменности древнерусского периода это слово не отмечено, а в диалектах северо-западной зоны фиксируется эпизодически (Чайкина 1975 : 81—82). Наричательное *кулига* 'небольшой се-

нокосный участок в кустах или перелеске на краю основной пожни' известно и жителям с. Нюхча. По мнению С. А. Мызникова, распространение его шло из вологодских говоров через каргопольско-лачские в говоры Обонежья и Кольского Поморья (Мызников 2003 : 242).

На Поморский берег с востока — возможно, с Летнего берега — проникает и топонимическая модель с компонентом *Посад*. В Нюхче, например, четыре части села получили названия на основе данной тополексеми: *Малый Посад*, *Большой Посад*, а также части последнего — *Средний* и *Нижний Посад*. Посады как части поселения известны в Сумпосаде, где фиксируются с 1647 г. (Витов 1974 : 123), а также на Карельском берегу в Керети, Гридино (*Кривой Посад*) и Поньгоме (*Лягушачий Посад*). Появление «посадской стороны» и крупных посадов Летнего берега — Неноксы, Уны и Луды — относится к концу XIV — первой половине XV в. (Бернштам 1978 : 43, 81, 83, 120).

Начиная со второй половины XIX в. главным образом на Карельском берегу и прилегающих материковых территориях появляются поселения с традиционным карельским населением (Нильмогуба, Нижняя Пулонга, Чупа, Соностров и др.). На Поморском берегу известно о двух деревнях, основанных карелами из бывшей Тунгудской волости — это Сальнаволок в окрестностях совр. Беломорска и Юково в районе Сумпосада. Образование этих деревень проходило на фоне столыпинской реформы, а его социально-экономическими предпосылками стало отсутствие свободных земель в материнских деревнях, вызванное ростом семей на рубеже XIX—XX вв. Жители новых поселений были в основном выходцами из трех карельских волостей: Кестеньгской и Олангской на самом севере современной Карелии, и Вычетайбольской, которая находилась между морским побережьем и Кестеньгской волостью; а также из прибрежной Керетской волости, где жили как русские, так и карелы. Фактором, привлекавшим переселенцев, было, очевидно, и строительство Мурманской железной дороги. Однако по крайней мере часть новых карельских поселений возникла на землях, судя по данным источников, освоенных в предшествующие века. В Писцовой книге 1574 г. в Керецкой волости указан «погостишко» (поселение) *Чюпа* в *Чюпской губе* из семи дворов (Малышев 1981 : 13), а дер. *Воронская* упоминается в источниках 1552 и 1591 гг. как саамское поселение *Воронье Озеро* (АСМ I 114; МПИК 325).

Топонимия окрестностей всех прибрежных карельских деревень позволяет с уверенностью говорить о том, что карельские поселения возникли на территории, которая входила в сферу русского поморского влияния. Названия карельского происхождения концентрируются в непосредственной близости от деревень и в глубине материковых территорий, в то время как наименования многих лесных урочищ и водных объектов вдоль побережья имеют русские истоки. При этом в карельской топонимии активно используются воспринятые от русских топонимические модели и элементы: порог *Kuivaporoška* (рус. *порожек*) (Нильмогуба); заливы *Kivikupa*, *Pimiekupa*, *Šuvikupa* (рус. *губа*) (Соностров); плес *Pieniplossa* (рус. *плёс*) (Верхняя Пулонга); озера *Ivanovskoijärvi* (Ивановское) (Чупа), *Koppal'noijärvi* (Коппальное) (Верхняя Пулонга), *Let'noijärvi* (Летнее) (Соностров); луды *Jaroslavanluoto* (о-в Ярослав) (Нижняя Пулонга), *Popovoiluoto* (Попова) (Соностров); острова *Olenčikanšuari*

(Оленьчик) (Нижняя Пулонга), *Stepanovoišuari* (Степанов) (Верхняя Пулонга); болото *Morozovoinšuo* (Морозово) (Соностров); берег *Varniskoiranta* (Варничный) (Соностров); мыс *Siničanniemi* (Синицин наволок) (Нижняя Пулонга); возв. *Kormanovoiuara* (Корманова) (Верхняя Пулонга); руч. *Plavežnoioja* (Плавежный) (Чупа); реки *Šetčužnojoki* (Жемчужная) (Соностров), *Važenskoijoki* (Важенская) (Верхняя Пулонга) и др.

Топонимия свидетельствует, что интересы традиционного русского населения — поморов — распространялись на морское побережье, а карельское освоение активно представлено в топонимии внутренних территорий. Это касается прежде всего позднего карельского освоения на рубеже XIX—XX вв., когда в Беломорье прибывают карелы из Кестеньгской, Олангской и Вычетайбольской волостей. Характерно при этом, что современные информаторы-карелы также не считают побережье Белого моря исконной карельской в этническом плане территорией.

Последний вывод корректен для позднего времени. Что же касается средневековья, то наши материалы указывают на то, что морское побережье привлекало внимание как прибалтийско-финского, так и русского населения, свидетельством чего является целый ряд достаточно древних карельских и русских топонимических моделей.

Побережье Белого моря на протяжении веков было регионом межэтнических контактов, что отчетливо прослеживается в топонимии и в говорах современного русского поморского населения. Прибалтийско-финская по происхождению топонимия соседствует в карельском Беломорье с русской, которая складывалась в результате как новгородского, так и московского освоения. Сюда, в юго-западное Беломорье, выходили важнейшие транзитные водные и водно-волоковые пути с юга и юго-запада, рано освоенные, с одной стороны, прибалтийскими финнами, с другой — русскими переселенцами. При этом топонимия и карельские и саамские заимствования свидетельствуют о том, что славянское население селилось на территории, ранее уже освоенные прибалтийскими финнами и саамами.

Вплоть до начала XVII в. западное Поморье в границах Республики Карелия не представляло собой территориальное целое, а население было административно разобщено. В конце XV — первой половине XVI в. складывались карело-русские береговые общины. Основой для интеграции карелов и русских стало солеварение. К середине XVI в. происходит самоидентификация новых общинников. До середины XVI в. термин *поморец* встречается sporadически, однако уже в середине этого столетия и позже жители региона все чаще именуется *поморцами*, а к концу XVI в. этот термин уже бытует столь же широко, как и названия *Поморье* и *поморские волости*. В конце XVI — начале XVII в. поморские волости получают официальное признание в виде особого административного округа Соловецкого монастыря, что и приводит к формированию на побережье Белого моря субэтноса русских поморов (Жуков 2003 : 88—89).

Address

Denis Kuźmin
Institut of Language, Literature and History (Petrozavodsk)
E-mail: kusmiccu@hotmail.com

Сокращения

АСМ I — Акты социально-экономической истории севера России конца XV—XVI вв. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг., Ленинград 1988; **АСМ II** — Акты социально-экономической истории севера России конца XV—XVI вв. Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг., Ленинград 1990; **ИК 1987** — История Карелии XVI—XVII вв. в документах, Петрозаводск—Йоэнсуу 1987; **ИК 1993** — История Карелии XVI—XVII вв. в документах III, Петрозаводск—Йоэнсуу 1993; **Картоотека ИЯЛИ** — Топонимический архив ИЯЛИ (г. Петрозаводск); **МПИК** — Материалы по истории Карелии XII—XVI вв., Петрозаводск 1941; **ПКОП** — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг., Ленинград 1930; **KKS** — Karjalan kielen sanakirja 1—6, Helsinki 1968—2005 (LSFU XVI); **Valitusluettelo** — Jaakko Teitin valitusluettelo Suomen aatelista vastaan 1555—1556, Helsinki 1894 (Todistuskappaleita Suomen historiaan V).

саамН — саамские языки Норвегии; **саамР** — саамские языки России; **саамФ** — саамские языки Финляндии; **саамШ** — саамские языки Швеции.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштам Т. А. 1978, Поморы. Формирование группы и системы хозяйства, Ленинград.
- Бубрих Д. В. 1947, Происхождение карельского народа, Петрозаводск.
- Буров В. А. 2007, «Памяти Филиппу игумену»: к истории первых каменных храмов Соловецкого монастыря. — Соловецкое море, № 6, 61—78.
- Витов М. В. 1962, Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков, Москва.
- Витов М. В., Власова И. В. 1974, География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII веках, Москва.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова, Москва—Ленинград 1949.
- Гусельникова М. Л. 1996, Полукальки Русского Севера как заимствованный словообразовательный тип топонимов. — Ономастика и диалектная лексика. Сборник научных трудов, Екатеринбург, 13—21.
- Джаксон Т. Н. 1993, Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий, Москва.
- Жуков А. Ю. 2003, Управление и самоуправление в Карелии XVII в., Великий Новгород.
- — 2005, Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV—XVI вв. — Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Материалы Международной конференции, посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, 85—91.
- Козмин Н. 1900, Распространение христианства среди русских лопарей. — Архангельские Епархиальные Ведомости, № 3, 68—75.
- Кузьмин Д. В. 2003, Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук), Петрозаводск [рукопись].
- — 2003а, Истоки форманта *-šina* в карельской топонимии. — Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященных 80-летию Г. М. Керта, Петрозаводск, 63—68.
- — 2007, К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии). — Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте, Петрозаводск, 20—89.
- — 2008, К вопросу об освоении Беломорской Карелии западно-финским населением (по данным топонимии). — Вопросы ономастики, № 6, 47—57.
- Малышев И. 1981, Лоухи, Петрозаводск.
- Мельникова Е. А. 1986, Древнескандинавские географические сочинения, Москва.
- Максимов С. В. 1984, Год на севере, Архангельск.
- Муллонен И. И. 2002, Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования, Петрозаводск.

- — 2003, История формирования топонимных ареалов Заонежья. — Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Материалы IV Международной научно-практической конференции «Рябининские чтения—2003» [соавтор Е. В. Лялля], Петрозаводск. <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/84.html>
- — 2006, Формирование этнолингвистической карты Карелии. — Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика. Материалы международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24–27 октября 2006 года), Петрозаводск, 130–132.
- Мы з н и к о в С. А. 2003, Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения, Санкт-Петербург.
- М ю л л е р Р. Б. 1947, Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв., Петрозаводск.
- П а ш к о в А. М. 2003, Житие Лазаря Муромского в истории культуры Карелии XVIII–XX вв. — Кижский вестник (сборник статей), № 8, Петрозаводск, 3–13.
- П о л к о в н и к о в а С. А. 1970, Географические названия новгородских писцовых книг XV–XVI веков: однокоренные названия с разными суффиксами. — Ученые записки Московского государственного педагогического института, № 353, Москва, 469–504.
- С а л о И. В. 1966, Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Ф а с м е р М. 1986, Этимологический словарь русского языка, Москва.
- Х а р у з и н Н. 1890, Русские лопари. Очерки прошлого и современного, Москва.
- Ч а й к и н а Ю. И. 1975, Вопросы истории лексики Белозерья. — Очерки по лексике севернорусских говоров, Вологда, 3–187.
- E n s k e l l, C. 1951, The Representation of the North of Europe in the World-map of Petrus Plancius of 1592. — *Imago Mundi. The International Journal for the History of Cartography* VIII, Stockholm, 55–69.
- I t k o n e n, T. I. 1958, *Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja I–II*, Helsinki (LSFU XV).
- I t k o n e n, E. 1986–1989, *Inarilappisches Wörterbuch I–III*, Helsinki (LSFU XX).
- K i r k i n e n, 1988, H. Pohjois-Karjalan kalevalaisen perinteen juuret, Helsinki (TL 108).
- K o k k o n e n, J. 2002, Rajaseutu liikkeessä. Kainuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650–1712), Helsinki (Bibliotheca Historica 79).
- K u z m i n, D. 2011, *-ngV/-n(b)zV*-johtimet Karjalan nimistössä. — JSFOu 93, 85–110.
- — 2013, Saamelainen asutus Karjalassa. — JSFOu 94, 69–123.
- — 2014, Vian Karjalan asutushistoria nimistön valossa, Helsinki.
- L e h t i r a n t a, J. 1989, Yhteissaamelainen sanasto, Helsinki (MSFOu 200).
- N i s s i l ä, V. 1955, Itä-Karjalan matkanimistöä. — Kalevalaseuran vuosikirja 35, Helsinki, 247–261.
- O l s e n, B. 2002, Labyrinths of the North. — *Natural and Cultural Heritage of the White Sea Islands*, Petrozavodsk, 40–51.
- P ö l l ä, M. 1995, Vian Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla, Helsinki (SKST 635).
- R o s é n, R. 1938, "Rusopartainen Ontrus" ja hänen esi-isänsä. — *Karjalan historia*, Jyväskylä (Historian aitta VIII), 51–60.
- S a m m a l l a h t i, P. 1989, Saamelais-suomalainen sanakirja, Ohcejohka.
- S c h a n c h e, K. 2002, A Brief Survey of the Sami Prehistory in Northern Norway, Focusing on Changes in House Morphology. — *Natural and Cultural Heritage of the White Sea Islands*, Petrozavodsk, 64–69.